

Библіографія

С. Л. ФРАНК. Непостижимое. (Онтологическое введѣніе в философію религіи). Русская Научная Библиотека. Книга I-ая. Изд. Дом Книги и Современ. Записки. Париж.

Первая книга «Научной Библиотеки» дает нам новый труд С. Л. Франка — крупнѣйшее явленіе современной философской мысли, не только русской.

С. Л. Франк достаточно извѣстен, достаточно дал ощутить себя своими прежними работами, но давно — очень давно — мы не видѣли столь глубоких, «вѣсомых» книг.

Хотя автор расцѣпляет свой труд, как только попытку, «по-сильно намекающую, лепечущую об истинѣ подлинной, неизъяснимой, неизрѣченной Реальности», нам кажется, что этот «лепет» так близок лепету самого міра, так точно передает «неба содроганье», что через эти страницы мы дѣйствительно соприкасаемся реальности міра, а, может быть, и «міров иных».

Я бы добавил, что эта книга необыкновенно «современна». Конечно, в ней ничто не отражает смятенія повседневности, но она необычайно созвучна психикѣ и исканіям нашей новой эпохи, и может быть, предвѣщает и предуказывает и дальнѣйшій путь обновленнаго духа.

Давая сейчас об этой значительнѣйшей книгѣ отзыв в нѣсколь-
ко строк, мы в слѣдующем № посвятим ей особую статью.

И. Я. С.

И. БУНИН. Жизнь Арсеньева. II. Лика. Изданіе Петрополис, Брюссель.

Молчат гробницы, муміи и кости,
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на міровом погостѣ,
Звучат лишь письмена.
И нѣт у нас иного достоянья!
Умѣйте же беречь
Хоть в мѣру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — рѣчь.

Эти стихи — стихи Бунина. Они могли бы служить лучшим эпиграфом к его творчеству. На фонѣ безсильной подсоветской литературы, искаженной русской рѣчи, на ряду съ молодым эмигрантским творчеством, зачастую превращающимся в «чехарду» соціей русской литературы, «слово» Бунина звучит всегда властно и, поистинѣ, является нашим «достояніем», свидѣтельством о мощи нашей рѣчи, ея лучшим образчиком! Его образы вла- дѣют нами, не вспыхивают и тухнут только, как мимолетное и слу- чайное, но покоряют наше вниманіе, заставляют нас перенестись в мір автора. С какой радостью перечитываешь страницы, в ко- торых он «воскрешает» видѣнія Россіи, показывает ея природу. В ней чувствуется не только контур близкаго нам пейзажа, а вся его атмосфера. Это не «описание», не смѣна декораций. Это —

мастерство большого художника, в котором все пріобрѣтает значеніе и каждая деталь составляет нужную черту в картинѣ. — Как прекрасен, напримѣр, вечер в Витебскѣ, гдѣ на фонѣ города — «пейзажа», — живописно выступает гуляющая толпа — «перваго плана»!

Книга Бунина названа «Лика», именем героини романа, которому посвящено ея содержаніе. Но не в этом романѣ главный смысл и значеніе произведенія. Центральной фигурой остается все-гда сам автор, а этот роман, сама Лика, другіе люди, впечатлѣнія, ощущенія — только встрѣченныя им на жизненном пути «поводы» помогавшіе найти, узнать и выявить самого себя. — В этом смыслѣ в ней можно видѣть элементъ автобіографіи, которую склонны вообще усматривать в «Жизни Арсеньева». Бунин в «Ликѣ», во всяком случаѣ, приближает нас к себѣ, дает ключ к пониманію своего творчества. Он показывает, как работал над ним, как развивал в себѣ художественное зрѣніе, накапливал образы, складывал их в картины... С этой точки зрѣнія, книга пріобрѣтает особую значительность, открывает новую страницу. — Но, расста- ваясь с ней, испытываешь также, как и при чтеніи других его произведеній, нѣкоторое чувство грусти, вызванное не столько ея содержаніем, сколько лежащее в сущности творчества Бунина.

Бренность всего земного, недолговѣчность его, власть гибели и смерти — тѣм болѣе остро ощущаемая, чѣм сильнѣе мы привязаны к этому міру, — сопутствует даже самому радостному настроенію в его произведеніях. Недаром так много мѣста удѣлено в них мотиву смерти. Смерть у Бунина не неизбежное завер-шеніе земного существованія, а катастрофа, которая, по его сло- вам, «разом и вдруг» лишает нас всего, чѣм мы жили, чѣм мы любили. Этой непримиримостью и «непріятіем міра в цѣлом» — Бунин нарушает гармоничность своего мироощущенія, которой он достигает, приближаясь на большой художественной высотѣ — к постиженію тайной красоты Бытія.

Б.

ИВ. ЛУКАШ. Вѣтер Карпат. Изданіе Возрожденіе. Париж. 1938 г.

В книгѣ Лукаша «Вѣтер Карпат» — «разсыпана золотая дорож- ная пыль», об исчезновеніи которой скорбѣла его героиня Елена Гича...

В основѣ этой, скорѣе, повѣсти, нежели романа, лежали эпизоды, рассказанные ему энтузіастом-карпаторусом Іосифом Оласом.

С большим мастерством И. Лукаш создал из них народный кар- паторусскій узор, настолько тщательно и любовно, что над всѣми «шестнадцатью разными узорами» — «на звѣздочки», «на зернышки», «на завитѣхвостики» — в скорбном протестѣ встал единый облик карпаторуссов с их древней (особой карпаторусской) молитвой:

— Богородице Диво, Мати Русскаго Краю,

На небеси ти на земли Ти величаю,

Ты грѣшников в тяжелой муки

Через Твои спасаешь руки.

Не дай пропасти...

Появленіе в нашей литературѣ таких произведеній цѣнно, ибо они свидѣльствуют о том, что просыпаются нація. С. І.